

Раздел 2. Аграрный строй: проблемы адаптации к рынку

Глава 6. Институциональные преобразования и изменение условий жизни населения в сельской местности России в 1991—1999 гг.

Постановка проблемы

С момента развала Советского Союза большинство как отечественных, так и зарубежных обозревателей выражают общее мнение о том, что происходящие структурные изменения должны привести к созданию в нашей стране более эффективного сельскохозяйственного производства, ориентированного как на удовлетворение внутреннего спроса, так и на мировой рынок продовольствия и международную торговлю. Проблема состоит в том, как подобного рода изменения могут быть согласованы с историко-культурной традицией и социально-экономическим положением в современной России? Вполне естественно, что здесь и начинаются все расхождения.

Опыт показывает, что процесс раскрестьянивания российского села (1929 – 1990 гг.), равно как и сопровождавшая его практика создания индустриального аграрно-промышленного производства (1970 – 1990 гг.), не прошли совершенно бесследно. Напротив, они оказались надежным заслоном на пути приватизации и реформирования сельского хозяйства посредством разрушения колхозного строя и создания фермерских хозяйств (1991 – 1995 гг.). Поэтому в сложившемся к настоящему времени положении дел вряд ли правильно все сваливать на недееспособность реформаторов и ограниченность проводимых ими преобразований.

Одним из немногих результатов реформирования служит повсеместное возрождение крестьянского уклада.

Преобразования институциональной структуры в сельской местности России в переходный период (с 1991 г. по настоящее время) рассматриваются здесь в контексте сравнения с институциональной структурой предшествующего этапа (1929–1990 гг.) и институциональной структурой, адаптированной к рыночным отношениям и гражданскому обществу.¹

Институциональная структура в сельской местности при командной экономике (1929 – 1990 гг.)

В наиболее обобщенном виде институциональная структура в сельской местности советской России представлена на рис. 6.1. Она характеризуется жесткой вертикалью централизации, доминированием монопольной производственной структуры (колхоза или совхоза) и полной зависимостью от нее местной власти и домохозяйств. Собственник земли в лице государства передавал всю землю колхозам и совхозам в вечное пользование. Осуществлялось это так последовательно, что даже приусадебные участки домохозяйств проходили по земельному балансу колхозов (совхозов). Застройка и планировка села, равно как инженерная и социальная инфраструктура, была прерогативой колхозно-совхозного строительства. Коллективное хозяйство, поддерживая полную занятость трудоспособного населения, было фактически единственным местом приложения труда в сельской местности. И хотя заработная плата сельских учителей, медиков и работников культуры финансировалась из бюджетов верхних уровней, их рабочие места (основные и оборотные фонды) были имуществом коллективных хозяйств. Парадоксально, но еще совсем недавно в сельской местности люди не знали, что такое плата за воду, коммунальные услуги и т.п.

Местная власть прежде всего заботилась о создании благоприятных условий хозяйственной деятельности в коллективном производстве. Традиционно в первую очередь от руководителя производства

¹ Более полно и всесторонне различные аспекты обсуждаемой проблематики рассмотрены автором и другими членами руководимого им коллектива в ряде предшествующих публикаций: Методология исследования и качество жизни сельского населения России и США / Отв. ред. Пацюрковский В.В., О'Брайн Д.Дж. ("Библиотека социологии села") М.: ИСЭПН РАН, 1996, Вып. 1; O'Brien, D. J., Patsiorkovski, V. V., Dershem L. D. and Lylova O. Peasant household production and symptoms of stress in post-Soviet Russian villages // *Rural Sociology*. 1996. № 61 (4). P. 674–698; O'Brien, D. J., Dershem L. and Patsiorkovski V.V. The transition to a market economy in rural Russia: assertions and findings. // *Eastern European Countryside*. 1997. № 3. Pp. 75-90; O'Brien, D.J., Patsiorkovski, V.V. and Dershem, L.D. Rural responses to land reform in Russia: An analysis of household land use in Belgorod, Rostov and Tver' Oblasts from 1991 to 1996 // *Land Reform in the Former Soviet Union and Eastern Europe*. Stephen K. Wegren (editor). London: Routledge, 1998, Pp. 35-61; O'Brien, D.J., Patsiorkovski V.V., Dershem, L.D., Bonanno, A. and Timberlake Ch. Services and Quality of Life in Rural Villages in the Former Soviet Union. Lanham, Maryland: University Press of America, 1998.; Пацюрковский В.В., Пацюрковская В.В. и др. Изменения условий жизни сельского населения // Россия, 1997. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 1998, С. 215-254; Пацюрковский В.В., Корхова И.В. и др. Изменения в структуре населения и домашних хозяйств в сельской местности // Россия, 1998. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 1999. С. 255–283.

зависело, кто будет руководителем сельсовета. Справедливости ради следует отметить, что выборность последнего, хотя и носила формальный характер, но всегда сохранялась.

В существовавшей в тот период системе отношений от сельских домохозяйств требовалось выполнение пяти основных функций.

Первая. Все трудоспособные члены домохозяйств должны были в обязательном порядке участвовать в общественном производстве. Трудовая повинность была всеобщей и фактически сохранялась постоянно до последних дней советской власти.

Вторая. В домохозяйстве семья обеспечивала процесс воспроизводства населения и социализации подрастающего поколения. Высокая ценность человеческого капитала в семье привела к настолько тесной ее связи со школой, что, как показала практика 70-х годов по ликвидации неперспективных деревень, с закрытием школы начинался исход из нее основной части трудоспособного населения.

Третья. Домохозяйства и семьи в них рассматривались как агенты личного потребления. Поэтому землеотвод и жилищное строительство осуществлялись по нормативам, рассчитанным на основании достигнутого уровня общественных потребностей и потребления, и строго регламентировались. Различия допускались только с учетом национально-культурных особенностей союзных республик (грузинское село, литовское село и т.п.). При этом по умолчанию принималось допущение, что российское, украинское и белорусское село не имеют ярко выраженных особенностей, более склонны к восприятию всего "нового", а поэтому лучше других готовы к унификации и типовой застройке. Подобная практика вела к тому, что фактически весь новый жилой фонд вводился в строй морально устаревшим и слабо соответствующим современным потребностям и стандартам поведения сельского населения.

Рис 6.1. Институциональная структура в сельской местности в советской России

Четвертая. В связи с ограниченностью развития общественного производства сельским домохозяйствам в качестве рудиментарной деятельности иногда разрешалось, а иногда и вменялось вести *личное подсобное хозяйство* (ЛПХ) на приусадебном участке земли, средние размеры которого составляли примерно 0,25 га. При этом категория ЛПХ имела содержательный смысл, так как натуральные поступления с приусадебных участков в денежном выражении составляли в среднем 10–15% совокупных доходов сельской семьи.

Пятая. Все домохозяйства были так или иначе вовлечены в местную жизнь. Но осуществлялось это прежде всего посредством родственных и соседских отношений, а также через трудовой коллектив. По вполне понятным причинам ("кто платит, тот и заказывает музыку") местные органы власти были в таких делах скорее

на подхвате, чем в качестве инициаторов, а неправительственные организации в лице различных институтов гражданского общества в селе были достаточно слабы.

Изменения институциональной структуры в переходный период (1991 – 1999 гг.)

В литературе по вопросам земельной реформы и приватизации в сельском хозяйстве основное внимание уделяется: реорганизации крупных товарных производителей (колхозов и совхозов), которые были преобразованы сначала (1992 г.) в АО и ТОО, затем (1996 г.) в ООО, а теперь (1998–1999 гг.) стали повсеместно преобразовываться в сельские производственные кооперативы (СПК); диспаритету цен на сельхоз- и промышленную продукцию и сокращению финансовой поддержки АПК со стороны государства². Признавая важность всех этих проблем, мы тем не менее считаем, что корректное понимание процессов социально-экономических преобразований в АПК и сельской местности возможно только с учетом изменений характера местного самоуправления, социальной роли и экономической значимости сельских домохозяйств и коллективных хозяйств, а также появлением новых хозяйственных субъектов. Другими словами, мы настаиваем на том, что корректное понимание процессов социально-экономических преобразований в АПК и сельской местности возможно только с учетом изменений, связанных с формированием новой институциональной структуры.

Институциональная структура, сложившаяся в сельской местности к настоящему времени, показана на рис. 6.2. Сравнение различий рис. 6.1 и 6.2 позволяет более полно и наглядно видеть основное направление и характер происходящих перемен. Для целей нашего анализа наиболее существенным является изменение позиций главных агентов действия, а именно: местных органов власти, домохозяйств и крупных товарных производителей. Эти изменения носят отнюдь не формальный характер. Более того, их значимость и глубина раскрываются во времени и имеют тенденцию к нарастанию.

В наиболее сложном и противоречивом положении в результате происходящих перемен оказались местные органы власти. С одной стороны, к ним постепенно шаг за шагом перешла вся полнота ответственности за планировку и застройку села, инженерную и социальную инфраструктуру, а также социальное обслуживание и организацию сельской общности. Короче, к ним по наследству перешло выполнение всех непроизводственных функций, выполнявшихся ранее коллективными предприятиями. С другой стороны, тогда как у коллективных предприятий была в свое время ограниченная материальная база для выполнения указанных функций, сельская администрация начала всем этим заниматься примерно с 1994 г., не имея никакой материальной и финансовой базы. Подобное положение дел сохраняется вот уже более пяти лет, и его решение на федеральном уровне не просматривается в сколько-нибудь обозримой перспективе. В этих условиях субъекты Федерации постепенно начинают брать инициативу в свои руки. Хорошим примером здесь может служить введение в Белгородской области единого продовольственного налога на сельхозпроизводителей (1996 г.), выплаты по которому служат основой финансирования расходов местных органов власти. Как результат, по нашим наблюдениям, в последние годы бюджетники в сельской местности этой области получают зарплату куда более регулярно, чем их коллеги в других регионах.

Весьма запутанным остается и вопрос о статусе органов самоуправления в сельской местности. Как известно, председателей сельсоветов сменили главы сельских администраций, которые по большей части являются назначенцами районного звена (Новгородская, Ростовская обл. и др.), реже выбираются законодательными органами районного звена (Тверская обл.) и совсем уже редко избираются населением (Липецкая обл., Ставропольский край и др.). Кроме того, в ряде субъектов Федерации местное самоуправление вообще свернуто (Калининградская обл., Республика Коми, Республика Удмуртия и др.). Вряд ли нужно доказывать, что зависимый глава администрации будет всегда отстаивать интересы селян только с оглядкой на свое районное начальство. И это справедливо, так как своя хорошая, а главное регулярная, по нашим временам, заработная плата, в конечном счете ему дороже и актуальнее вечных и трудноразрешимых проблем сельской жизни.

² Макаревич Л. Десять лет реформ привели к аграрному коллапсу // Финансовая неделя. 1999, 16-22 августа. № 26. С. 8–9.

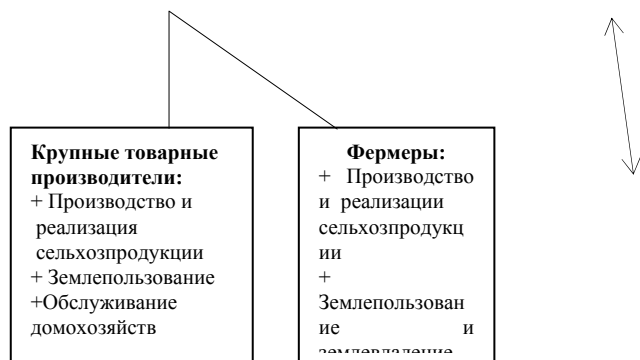

Рис. 6.2. Институциональная структура в сельской местности современной России

Переходя к сельскому домохозяйству, уместно отметить, что сегодня оно является центральным агентом организации не только местной жизни, но и всего сельскохозяйственного производства. При этом очень хочется сказать – *крестьянское хозяйство*, тем самым как бы открывая возможность протянуть историческую нить сравнения и доказательств из глубин жизни российской деревни, существовавшей до 1929 г. Конечно, курс на коллективизацию не изменил одновременно крестьянского лица страны. Понятно, что такого рода процессы инерционны, и Россия еще долгое время была, а многие считают, что и сейчас остается крестьянской страной. Вместе с тем отождествление *сельского домохозяйства и крестьянского хозяйства* сегодня возможно лишь при одном условии, а именно, признания, казалось бы, вполне простого и очевидного факта: *крестьяне – все те, кто работает непосредственно на земле*.

Наблюдения процессов, происходящих в российской деревне, показывают, что сегодня многие наиболее успешные домохозяйства в социальном плане представлены учителями, врачами, работниками культуры, торговли и другими специалистами, причем не только аграрного профиля. Признав всех их крестьянами, мы как бы открываем путь оправдания сложившейся практики, когда учителя вынуждены "отдыхать" от насущных забот в школе, медперсонал – в поликлиниках и фельдшерских пунктах, и т.д. Вряд ли нужно доказывать, что все это отнюдь не безобидные вещи. Подобная практика еще отзовется сторицей на падении качества человеческого капитала всей возрастной структуры населения. Другими словами, сегодня в сельской местности (да и не только в ней) практически все домохозяйства делают именно то, что в более благоприятных условиях должны были бы делать только крестьянские хозяйства.

В любом случае, в 1998 г. примерно 14 млн. сельских домохозяйств³ с помощью городских садоводов произвели 57% общего объема сельскохозяйственной продукции. В 1992 г. доля произведенной ими продукции составляла 32%. За этот же период доля крупных товарных производителей сократилась с 67 до 41%. Разница в 1% в 1992 г. и 2% в 1998 г. принадлежит фермерству – вновь созданному аграрному производителю⁴.

Эти успехи были достигнуты домохозяйствами путем резкого наращивания объемов тяжелого, неквалифицированного ручного труда и ограниченного использования техники, кормов, удобрений, а также услуг коллективных хозяйств. Поэтому отсутствуют какие-либо основания надеяться, что модернизация и дальнейший рост производства в них, равно как и создание устойчивой и конкурентоспособной системы сельскохозяйственного производства, возможны без дальнейшей более тесной кооперации с крупными хозяйствами и поддержки всей вертикали законодательной и исполнительной власти.

Вместе с тем в институциональном плане изменения так глубоки, что сегодня в сельской местности ни одно крупное агропромышленное предприятие не сможет встать на ноги без непосредственной договоренности и консенсуса с домохозяйствами. Самый краткий ответ на вопрос о причинах такого положения дел однозначен – "расташат". При этом расташат – это не только и не в первую очередь разворуют. Это включает в себя и до основания полную "разборку" по имущественным и земельным паям, когда вновь реорганизовать или банкротить уже будет поздно и просто некого и нечего.

Глубинный смысл происходящих институциональных перемен состоит в том, что если ранее местная власть и домохозяйства были в полной зависимости от основной производственной единицы, оперировавшей на их территории, то сегодня крупные товаропроизводители целиком и полностью зависят от домохозяйств и в значительной степени от сельской администрации. Сегодня уже избрание председателя ООО или СПК зависит от главы сельской администрации, а требование раздачи земельных паев в натуре постоянно висит над руководителями производства как дамоклов меч. Кроме того, с появлением в селе других товаропроизводителей у домохозяйств появляется возможность выбора как мест приложения труда, так и сдачи в аренду своих земельных паев. "Причина на поверхности: за пользование 10-гектарным наделом земли Шеблаков (директор сельхозпредприятия "Русь" в Ставропольском крае – прим. автора) отдает ежегодно крестьянину 1300 килограммов зерна в виде арендной платы. Чурин (руководитель казачьего хозяйства "Нива"

³ Пациорковский В.В., Корхова И.В. и др. Изменения в структуре населения и домашних хозяйств в сельской местности. В кн.: Россия-98. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 1999. С. 269.

⁴ Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 1999. С. 203.

– прим. автора) и здешние фермеры – втрое больше"⁵. Селяне просто вынуждены искать лучшей доли, так как в среднем по стране, по нашим наблюдениям, сельхозпредприятия дают в качестве дивиденда около 5% зерна, собранного с арендуемой ими земли, тогда как фермеры до 30%. Кстати сказать, основные коллизии отношений крестьян и помещиков в крепостной России происходили вокруг десятины, т. е. 10%.

В целом, по нашим наблюдениям, трансформация ранее выделенных пяти функций сельских домохозяйств, а соответственно и экономического поведения селян, идет в следующем направлении.

Первая. Основная часть трудоспособного населения села, прежде всего практически все занятые в основном производстве, а также молодежь и женщины испытывают большие напряжения в сфере труда и его оплате. В общественном производстве их труд либо никому не нужен, либо "нужен", но без оплаты. Изменения характера выполняемых ролей и связанная с этим потеря статуса, как правило, ведут к *маргинализации* селян, которая имеет две крайние формы выражения: с одной стороны, растущая *полная самозанятость* экономически активного населения, а с другой – *люмпенизация* определенной части селян. Среди деклассированных, опустившихся людей, значительную долю составляют бывшие механизаторы (водители, комбайнеры и трактористы), которые, как оказалось, лишившись "стальных коней", ничего другого не могут и не хотят делать. В двух наблюдаемых селах, а именно в с. Латоново и Святцево, где положение в коллективных хозяйствах просто критическое, как полная самозанятость, так и *люмпенство* (дословно с немецкого – "лохмотья") составляют уже весьма заметные доли. "Надо видеть с каким остервенением разграблены бывшие совхозные постройки: зернотока, теплицы, животноводческие помещения... Проворовались, проели, профукали – остались без работы, на что жить? Теперь уже не стесняются воровать у соседа, чего в деревне с голодных годов не было"⁶.

Уместно обратить внимание и на тот факт, что с ростом самозанятости традиционное представление о трудовых ресурсах теряет свое познавательное значение. Напротив, все еще блуждающая на окраинах нашей социально-экономической науки категория "*человеческий капитал*" приобретает реальное содержание. Именно в терминах человеческого капитала намного легче и доступнее понять процессы, происходящие в последние годы в сферах труда и производства в сельской местности.

Вторая. В домохозяйстве семья продолжает обеспечивать процесс воспроизводства населения и социализацию подрастающего поколения. Однако резкое падение качества обучения в школе, обусловленное дополнительной занятостью учителей на личных подворьях, а также повышение затрат на школьное и тем более последующее обучение ведут к тому, что в селах появляются дети, прекращающие учебу или формально числящиеся в школе. Сегодня в нормальных семьях расходы на обучение детей уже идут отдельной строкой семейного бюджета. Под эти затраты во многих домохозяйствах целевым назначением выращивается скот, реализуются мясо, молоко, яйца и другая продукция.

Третья. Сельские подворья и семьи в них из агентов личного потребления повсеместно трансформируются в мелкотоварные хозяйства. Поэтому проблемы доступности земли (прежде всего ее аренда), а также строительства, реконструкции и модернизации жилья и подворий становятся все более актуальными в сельской местности. Совершенно не случайно во многих районах сельской местности нашей страны в последние годы наблюдается самый настоящий бум индивидуального жилищного строительства. Как отмечалось в одной из редких публикаций по данному вопросу, нескончаемая лента новых домов из красного кирпича протянулась через широкие просторы Краснодарского края⁷. Близкая к этой картина наблюдается в Белгородской, Орловской, Ростовской, Саратовской и других областях. Думается, что о проблемах этого реального, а не идеологического "красного пояса" должна бы болеть голова у руководителей всех ветвей и уровней власти.

В изменившихся условиях домохозяйства инвестируют средства прежде всего в морально устаревшую жилищную и хозяйственную застройку, ограничивающую возможности выполнения ими новых функций. И об этом "красном поясе", казалось бы, надо думать федеральным властям и принимать в расчет его появление.

Четвертая. В связи с превращением сельских подворий в мелкотоварные хозяйства категория "личное подсобное хозяйство" (ЛПХ) практически утратила смысл применительно к положению дел в сельской местности. Если ранее, как отмечалось выше, эта категория имела содержательный смысл, так как поступления с приусадебных участков составляли в среднем 10–15% доходов сельской семьи, то сегодня даже по официальным данным натуральное потребление продуктов питания из ЛПХ составляет в сельской местности более 75% общих расходов семей на питание⁸. Более того, повышение доходов сельских подворий во многих случаях не только приостановило (компенсировало) падение уровня жизни, обусловленного падением трудовых доходов, но и способствовало заметному росту семейного благосостояния. Поэтому сегодня, на наш взгляд, правильно говорить именно о домохозяйстве или сельском подворье, но никак не о ЛПХ.

С учетом сказанного отказ Совета Федерации поддержать принятый Думой Закон "О личном подсобном хозяйстве" (1998 г.) следует рассматривать как шаг в правильном направлении. Сегодня российское село нуждается в законодательном акте, закрепляющем и институционализирующем новый статус

⁵ Гричин Н. Земля — опять казакам // Известия. 1999, 17 августа. № 151 (25496). С. 10.

⁶ Савельев В. Лишние люди // Сельская жизнь. 1999, 7 октября. № 77 (22502). С. 8.

⁷ Российская газета. 1999, 4 сентября. С. 4.

⁸ Россия 1997. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 1998. С. 151.

домохозяйств как владельцев земли и весьма важных производителей сельскохозяйственной продукции, товаров и услуг в сельской местности. В содержательном плане такой акт в известном смысле может быть близок к принятому Конгрессом США в 1862 г. "The Homestead Act"⁹

Пятая. Все домохозяйства продолжают быть так или иначе вовлеченными в местную жизнь. Причем их взаимосвязь и взаимозависимость от местных органов власти существенно возросли. Этому способствует ряд факторов. Среди них в первую очередь следует отметить тот факт, что сельская администрация является на сегодня основным арендодателем земли для домохозяйств; вся инженерная и социальная инфраструктура так или иначе оказывается связанной с деятельностью сельской администрации; социальное расслоение (прежде всего люмпенизация) ведет к повышению девиации, а значит, и необходимости поиска средств личной и хозяйственной безопасности в общественном секторе и т.д. Так, один из наиболее распространенных мотивов заметного сокращения числа птицы в подворьях с. Святцево связан с участвовавшим ее воровством.

Наконец, последняя по списку, но не последняя по значению, новая – **шестая** функция, связана с изменением характера земельных отношений и местом домохозяйств в этом процессе. Конечно, сегодня в земельных отношениях существует ужасная сумятица и неразбериха. Вместе с тем все это с полным основанием можно охарактеризовать как "лиха беда начало". От традиционного приусадебного участка домохозяйства медленно, но неуклонно движутся не только к более полному контролю над своими земельными паями, все еще находящимися в пользовании крупных хозяйств, но и к фактическому наращиванию используемой земли. По нашим данным, в трех ежегодно обследуемых селах средней размер земли, обрабатываемой домохозяйством, составлял в 1997 г. 1 га, а в текущем (1999) году в с. Святцево, в связи с полным развалом производства в коллективном хозяйстве, каждой семье выделено дополнительно 2 га земли под сенокосы; в с. Латоново уже около 40% домохозяйств передали свои паи из коллективного в фермерские хозяйства и т.д. Вполне естественно, что столь глубокие изменения требуют как новой (и все еще отсутствующей) законодательной базы, так и просто времени для осмысления всеми участниками земельных отношений новых реалий.

Несмотря на все трудности переходного периода, крупные сельскохозяйственные производители продолжают существовать. Правда, в 1998–1999 гг. около 90% их были убыточными¹⁰, но известны примеры, хотя и довольно редкие, благополучия и даже процветания¹¹. В любом случае в институциональном плане положение крупных производителей существенно изменилось. Во-первых, по многим показателям хозяйственной деятельности они уже не монополисты. Во-вторых, они перестали быть основой социальной жизни и быта в сельской местности. И, в-третьих, что, возможно, самое главное, из землевладельцев они превратились в землепользователей. Конечно, сегодня у всех у них, как говорится, "забот полон рот". Поэтому общественному сознанию все еще довольно сложно понять, что на пути возрождения крупных коллективных сельхозпроизводителей последнее обстоятельство, возможно, самая большая и труднопреодолимая проблема.

Фактически коллективные хозяйства загнаны в безвыходное положение. Законодатель, изменив отношения собственности, оставил неизменными трудовые отношения. Мотивация данного шага загадочна: то ли законодатель по простоте душевной, как неопытная девушка, полагал, что все рассосется само собой, либо он действовал с умыслом, как матерый охотник, полагая, что из такой западни живым еще никто не выбирался. В любом случае коллективные производители оказались в ситуации, когда, с одной стороны, все участники производства – партнеры, сдавшие свои имущественные и земельные паи с мотивацией на получение определенной доли в доходах и прибыли по результатам годовой деятельности товарищества (общества). Естественно, отнюдь не простая мысль о необходимости изменений трудовых отношений от начальников и подчиненных к отношениям равных или старших и младших партнеров никем не ставилась и не обсуждалась. В результате, сдав свои паи сегодня вечером и став партнерами, все члены товарищества на следующее утро пришли на работу как наемные рабочие, с совершенно другой мотивацией, а именно желанием получить в ближайшие две недели как можно более высокую заработную плату. И когда некоторое время спустя все поняли, что их роли и статусы фактически остались неизменными, а по итогам года грядут одни убытки, внутренний зов самосохранения: "Забрать свое, пока еще что-то можно взять", – стал доминантой всей мотивации партнеров–наемных работников. Потребовалось всего несколько лет и всем стало ясно, что во многих хозяйствах уже и брать нечего. Кстати сказать, совершенно несправедливо упрекать при этом селян в их темноте, хитрости или корысти. Напротив, здесь просматривается мотивация предельного рационализма. Точно так всегда и везде ведут себя вкладчики банков, когда узнают, что тот, кому они доверили деньги, банкрот или близок к такому пикантному положению. Приходится только удивляться живучести и богатству коллективных хозяйств, в которых, несмотря на все происходящее, еще что-то есть, что-то делается и производится. В кризисную осень 1998 г. можно было наблюдать, как при несопоставимо меньшем, однообразном давлении буквально рассыпались и прекратили существование гигантские мертворожденные финансовые структуры пореформенного периода.

Кроме того, полезно обратить внимание и на тот факт, что в советский период крупные товарные производители были частью государственной системы, в которой им четко прописывались обязанности,

⁹ Grolier. Multimedia Encyclopedia. Grolier Inc., 1995.

¹⁰ Макаревич Л. Десять лет реформ привели к аграрному коллапсу // Финансовая неделя. 1999, 16-22 августа. № 26. С. 9.

¹¹ Бакланов Ю. Высота директора // Сельская жизнь. 1999, 12 августа. 61 (22486). С.4.

связанные с производством продукции и сдачей ее в "закрома родины". Хорошо или плохо, но под выполнение этих задач они имели соответствующее материально-техническое и финансовое обеспечение.

В противоположность этому вновь созданные по результатам реорганизации товаропроизводители всех организационно-правовых форм свободны от прежних обязательств перед государством. Вполне естественно, что последнее также хотело бы быть свободным от своих старых обязательств перед ними. Опыт показывает, что все здесь далеко не так просто. А возлагаемые на рыночное саморегулирование надежды оказываются призрачными.

Селяне могут услышать, но им просто невозможно понять и принять на свой счет постоянно муссируемый в структурах власти и СМИ риторический вопрос: "Кто накормит страну?" Они вполне разумно полагают, что кормить страну за бесплатно в современных условиях им нет никакого резона. Поэтому они заняты тем, что кормят самих себя, своих родных и близких. А для того, чтобы иметь более благоприятные условия потребления и инвестирования в собственное хозяйство, кое-что реализуют на так называемом колхозном рынке за наличный расчет или посредством бартера. Причем подобным образом ведут себя как домохозяйства и фермеры, так и крупные товаропроизводители. Уже много лет в сельской местности банковские операции скорее исключение, чем норма.

Иначе и не может быть, если учесть, что банковские счета большей части крупных товаропроизводителей блокированы за просроченные платежи, а фермеры и домохозяйства вообще оказались частью неформальной экономики. И если домохозяйства как бы всегда были за рамками хозяйственных отношений, характерных для юридических лиц, то фермеров туда выбросили в 1996–1997 гг. в порядке более полного соответствия их статуса требованиям нового Гражданского Кодекса, введенного в действие в 1995 г., а также в стремлении к упрощению их отчетности путем повсеместного перевода фермеров в категорию предпринимателей без образования юридического лица. Как результат, многие из них, а именно те, кто действительно видит себя в аграрном бизнесе, вынуждены создавать ООО и СПК с целью получения доступа к такой малости, как расчетный счет в банке.

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на всю строгость критики фермерства и фермерского движения, которую можно встретить в печати, фермерство в рассматриваемый переходный период все же состоялось и отстояло свое право на существование как в экономическом, так и социальном отношении. Конечно, сегодня это скорее большой клуб, чем социальный слой, но вряд ли правильно винить в этом фермеров или говорить о том, что российский селянин не может и не желает быть фермером. Скорее, ответственность за подобное положение дел лежит, прежде всего, на законодательной и исполнительной власти федерального уровня.

Вызванное к жизни решениями конца 80-х годов фермерство к 1994 г. составило около 270 тыс. чел. К 1996 г. его численность еще продолжала медленно расти (280,1 тыс.). Однако, как показала жизнь, это был предел возможностей в данных условиях, и в 1998 г. численность фермеров составила 274 тыс. В результате к настоящему времени фермеры обрабатывают около 12 млн. га (6%) пашни и производят, как уже отмечалось ранее, примерно 2% общего объема сельхозпродукции¹². К сожалению, эти 2% "фермерского урожая" и стали притчей при любом упоминании фермерства. Понятно, что этот вклад далек от весомости, но он не сопоставим с социальной значимостью фермерства в современном российском селе. Сегодня уже трудно найти село, где фермеров огульно ругают, как это было в начале 90-х годов. Им скорее по-хорошему завидуют и благодарят за создаваемые ими рабочие места, оказываемые услуги по реализации сельхозпродукции, а главное за более высокое, по сравнению с коллективными хозяйствами, вознаграждение в счет арендуемой земли.

Наши наблюдения показывают, что сегодня около 8,4 млн. сельских домохозяйств (60%) ведут устойчивое мелкотоварное хозяйство. При этом примерно половина из них, а именно 4,2 млн. домохозяйств, производят основную часть сельхозпродукции на продажу. Фактически это и есть массовое фермерство, или, по крайней мере, его стратегический резерв. Имеется, однако, ряд весьма важных обстоятельств сохраняющейся малочисленности фермерства и трудностей, связанных с его становлением. Среди них в первую очередь следует указать:

- общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру, связанную с продолжительным отсутствием социально-экономической стабильности и высокой степенью риска хозяйственной деятельности;
- отсутствие рыночной инфраструктуры, банковского кредита и механизмов поддержки малого бизнеса;
- трудности, связанные с системой налогообложения, и мифы о его высоком уровне;
- сохранение постоянной связи с коллективным хозяйством, открывающее доступ к использованию его ресурсов (прежде всего техники) и существенно снижающее степень повседневного риска;
- неформальная экономика имеет свои преимущества и недостатки, и селяне очень хорошо знают всему цену.

Именно поэтому в конкретных условиях сельской жизни как фермеры, так и представители многих домохозяйств на поверхности видят между собой только одну разницу: одни из них фермеры, а другие "колхозники". Правда, при более внимательном подходе фермеры отмечают ценность своей свободы и признают, что за нее стоит платить и рисковать. "Колхозники" же в свою очередь отмечают, что им не надо рисковать и думать о технике и горючем, а за это тоже надо платить.

¹² Россия в цифрах. М.: Госкомстат, 1999. С. 202.

Конечно, было бы большим грехом не замечать или рассматривать возрождение крестьянского уклада в многострадальной, ранее раскрестьяненной российской деревне как негативный процесс. В переходный период у селян практически не было выбора в этом отношении. Все, кто хотел выжить, фактически были вынуждены, как отмечалось выше, встать на путь превращения потребительского домохозяйства в мелкотоварного производителя. Правящие круги избежали опасного социального конфликта благодаря тому, что в этот процесс оказались включенными не только все селяне, но и значительная часть городского населения, имеющая с селом тесные кровнородственные связи или покупающая на городском рынке более дешевые, чем в розничной сети, продукты питания. Ценой, которую сегодня общество платит за достигнутый таким путем социальный мир, является резкое падение эффективности сельского хозяйства, обусловленное падением объемов производства в крупных хозяйствах и ростом доли мелкотоварного сектора в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции. Одно из следствий данных процессов – превращение страны в гигантского импортера продовольствия.

Между тем хорошо известно, что в реструктурированных экономиках наших бывших братьев по социализму мелкотоварное сельскохозяйственное производство является наиболее слабым звеном¹³. И если для сильных экономик Польши и Чехии подобная ситуация служит, хотя и большой, но сравнительно терпимой головной болью, то для более слабых экономик Болгарии, Венгрии и Румынии сохранение подобного положения дел может иметь летальные последствия. И совсем не случайно эти страны так преданно следовали в фарватере политики стран НАТО на Балканах весной 1999 г. Финансовые вложения ЕС и США в модернизацию их сельского хозяйства – единственная надежда и спасение правящих там демократических режимов.

Для нас было бы верхом наивности полагаться в данном вопросе на крупные внешние вливания. Во-первых, таких средств, которые нужны на реструктуризацию нашего совершенно запущенного сельского хозяйства, ни у кого действительно нет, во-вторых, западные инвесторы прекрасно понимают, что, поднимая наше гигантское сельское хозяйство, они растят себе конкурентов на мировых рынках, и, в-третьих, поднимая наше производство, они должны будут уйти с огромного рынка продовольствия, который еще совсем недавно был завоеван с таким трудом.

Современная институциональная структура села

Предполагаемые трансформации институциональной структуры в сельской местности приведены на рис. 6.3. Два момента здесь являются центральными – создание инфраструктуры рынка и формирование новых гражданских институтов. Решение как той, так и другой задачи связано с огромными трудностями. Без инфраструктуры рынка домохозяйства никогда не смогут стать полноправными экономическими агентами, а крупные производители и фермеры – решить задачи сбыта, хранения и переработки продукции. Собственно, всего того, к чему и в прошлое время они не были готовы. Еще и сегодня руководители многих хозяйств говорят, что они могут произвести куда больше продукции. Все, однако, упирается в ее реализацию и связанную с ней компенсацию затрат.

Улучшение же условий жизни населения, а главное, повышение степени его социальной защищенности непосредственно связаны не только с подъемом производства, но и с деятельностью некоммерческих, неправительственных организаций – модераторов взаимоотношений домохозяйств и органов местной власти, домохозяйств и агробизнеса, а также домохозяйств между собой.

Вместе с тем вопросы формирования инфраструктуры рынка, на наш взгляд, достаточно полно и последовательно уже раскрыты в литературе. В то же время вопросы формирования гражданского общества в сельской местности фактически еще и не поднимались. Тем не менее решение этой задачи более чем актуально. В связи с ограниченностью объема данного раздела, мы постараемся раскрыть ее значимость на одном конкретном примере.

Примерно с 1988 г. наш коллектив постоянно работает в сельской местности. В течение всего этого периода мы никогда не отмечали присутствия там продовольственной гуманитарной помощи. Указанное обстоятельство характерно как для домохозяйств и населения, так и для сетей общественного обслуживания. Конечно, можно предположить, что продовольственная помощь на селе так же актуальна, как дрова в лесу. Сеем, однако, утверждать, что суждения такого рода весьма далеки от реального положения дел.

Расслоение сельского общества, обусловленное влиянием последствий земельной реформы и приватизации, хотя и заметно ниже, чем в городе, тем не менее весьма и весьма существенно. Так, если в целом по стране в 1997 г. децильный коэффициент дифференциации душевых доходов составлял 13,2 раза¹⁴, то в городе, по нашим расчетам, он составлял примерно 18,4, а в селе 8 раз.

Вместе с тем было бы вряд ли корректно делать вывод, что на селе именно беднейшие семьи и только они нуждаются в продовольственной помощи. Дело в том, что российское село уже давно перешло на натуральное потребление. В среднем питание в сельской местности, хотя и однообразное, но качественнее, чем в городе. Поэтому вопрос о продовольственной помощи на селе имеет две самостоятельные составляющие:

¹³ How to be Rural in Late Modernity — Process, Project and Discourse. 18th Congress of the European Society for Rural Sociology. 24-28 August 1999. Lund, Sweden: Lund University, 1999. P. 37–45. См. также: <http://www.soc.lu.se/esrs>.

¹⁴ Россия 1997. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 1998. С. 156.

первая из них связана со сбалансированностью питания, а вторая – с постоянным недоеданием, близким к голоданию. Социальное содержание указанных составляющих имеет существенные различия, что, безусловно, должно находить отражение и в характере организации и доступности продовольственной помощи.

Отмеченная ранее в качестве первой составляющей проблема сбалансированности питания может рассматриваться именно как *семейная*. Естественно, что она характерна для семей с низким человеческим капиталом, обеспечивающих себя в лучшем случае огородной продукцией, т.е. углеводами. Низкий уровень пенсионного обеспечения, особенно после 17 августа 1998 г., сделал для таких семей практически недоступными не только продукты, содержащие белок и животный жир, но и растительные жиры и сахар. Поэтому целевой ряд продовольственных продуктов по линии гуманитарной помощи для таких семей может иметь следующий вид: мясо (рыба), животное, растительное масло, маргарин, сахар, крупы и макаронные изделия. Характерные высказывания в семьях, действительно нуждаю-

Рис. 6.3. Институциональная структура в сельской местности пореформенной России

щихся в продовольственной помощи: "Косточку или кусочек мяса еще когда-никогда, а запах колбасы мы уже давно забыли" или "Теперь вот не только масла, но и маргарина уже нельзя купить", или "В магазине все есть, но мы только смотрим".

Другая составляющая этой проблемы: *отдельные категории сельского населения*. Здесь в первую очередь следует выделить детей младшего возраста, школьников, престарелых в домах ветеранов, пациентов больниц и растущее сельское люмпенство. Оказывать продовольственную помощь по линии семьи и домохозяйства всем этим категориям совершенно неэффективно. Здесь более актуальна ее организация в сетях общественного обслуживания. Например, дети дошкольного возраста довольно часто голодают или едят нерегулярно даже в относительно благополучных семьях в связи с занятостью или продолжительным отсутствием родителей в течение дня. В то же время детские садики пустыют и закрываются. Так, уже несколько лет закрыт детский садик в с. Латоново (Ростовской обл.), в с. Святцево (Тверской обл.), в текущем году в садике 4 ребенка, в с. Венгеровка в садике 6 детей. При этом все помещения детских садов во всех селах – это фундаментальные кирпичные постройки со всеми удобствами. Во всех селах масса ребят дошкольного возраста. Оплата за посещение садика составляет 80–90 руб. в месяц за одного ребенка. В сельских семьях таких свободных денег, как правило, нет. А с ростом самозанятости родители повсеместно стали оставлять детей дома. С другой стороны, садики, будучи переданными в систему образования, лишены всякой

материальной и продовольственной поддержки сельхозпроизводителей. Между тем 60–70% оплаты за садик составляют расходы на питание, которые уже и так сведены к минимуму. Опросы показывают, что именно 25–35 руб. многие родители были бы готовы платить за садик. Оказывая продовольственную помощь детскому садiku, можно решить целый комплекс социальных и гуманитарных проблем. Среди которых не только регулярное питание и здоровье детей, но и их безопасность и воспитание, и что особенно важно – дошкольная подготовка, которая практически исключена в основной массе сельских семей. К тому же разрушение системы дошкольного воспитания будет иметь тяжелые последствия для качества человеческого капитала подрастающих поколений россиян.

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение к организации школьного питания, питания людей, находящихся на больничных койках и в домах престарелых.

Особый момент составляют проблемы питания растущего числа сельских люмпенов. Люмпен имеет прежде всего мужское лицо. Понятно, что если в семье начинает пить и жена, то разворачивается полная драма. О тяжелом положении детей в таких семьях уже много сказано. Люмпен молодеет и становится все более агрессивным. Достаточно еще раз отметить, что одним из основных мотивов сокращения птицы в домохозяйствах с. Святцево в 1998–1999 гг. было ее воровство. Конкретно в данном случае следует говорить именно о питании, а не о продовольственной помощи, так как, по известным причинам, все будет пропито.

Следует отметить, что в сельской местности столовые, как правило, продолжают оставаться на балансе сельхозпроизводителей. Других форм общественного питания там просто нет. Питание в таких столовых носит ограниченный характер и предназначено главным образом для механизаторов. Кооперация этих структур с благотворительными организациями для раздачи бесплатных обедов могла бы внести заметное улучшение в социальный климат в сельской местности. Надо сказать, что, по нашим расчетам, доля нуждающихся в такого рода помощи составляет около 5% сельского населения.

Наконец, одна из огромных проблем российской сельской местности – практически полное отсутствие неправительственных организаций и других новых институтов гражданского общества. Поэтому в качестве контрагента здесь отсутствует какой-либо выбор и все упирается в сельскую администрацию. Правда, в последние годы в сельской местности почти повсеместно выполнена огромная работа по формированию структур социальной работы. Не исключено, что в этой среде растут потенциальные волонтеры социальной защиты и помощи нуждающимся селянам. Более того, мы считаем, что при наличии на селе неправительственных организаций гуманитарного профиля вопрос о зарубежной продовольственной помощи здесь вообще бы не стоял. В российском селе есть масса излишков продовольственной продукции и есть глубокое сочувствие и сострадание к невинно обездоленным, прежде всего, старикам и детям. В то же время полностью отсутствует механизм формального перераспределения излишков продуктов питания. Нельзя сказать, что продовольствие здесь абсолютно не перераспределяется. Напротив, этот процесс фиксируется совершенно четко и зримо, но только в рамках родственных и соседских связей. Именно для создания формальных механизмов перераспределения продуктов питания так важно присутствие новых институтов гражданского общества данного профиля на селе. Подобное положение дел характерно для широкого круга удовлетворения социальных потребностей сельского населения.

Последний момент, на который в данном контексте уместно обратить внимание, связан с влиянием западной гуманитарной помощи на рынок продовольствия. В опросе этого (1999) года во всех селах, не только заготовители мяса, но и респонденты отмечали влияние продаж свинины из фондов гуманитарной помощи на рынках крупных городов (особенно Москвы и Подмосковья) и на сужение возможностей реализации свинины сельскими производителями. В Белгородской и Тверской областях это привело фактически к сворачиванию закупок свинины местными посредниками. Здесь, как гласит мудрость: "Имеющий уши да услышит". Приведенный пример показывает, что отсутствие институтов гражданского общества – не только социальная проблема или проблема слабого развития непродовольственной сферы, ее нерешенность имеет четкие негативные последствия как для сферы производства, так и для всей вновь формирующейся институциональной структуры.

В целом можно сказать, что даже чисто внешне на уровне агентов и организационных структур институциональный ландшафт в сельской местности России претерпел весьма заметные изменения в 1991–1999 гг. Естественно, что подобного рода институциональные трансформации могли осуществляться только параллельно и под воздействием изменения норм и нормативного регулирования, а также мотивации различных агентов экономических отношений. Совершенно ясно при этом, что в рассматриваемый период времени на селе, как и в экономике всей страны, получили широкое распространение различного рода институциональные ловушки и псевдорыночные формы¹⁵, которые заслуживают специального рассмотрения.

¹⁵ Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: ЦЭМИ РАН, 1998 (см. также: <http://www.cemi.rssi.ru>); Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Развитие бартерных отношений в России. Институциональный этап. М.: ЦЭМИ РАН, 1999 (см. также: <http://www.cemi.rssi.ru>).